

УДК 94(47).084.8

Р. Р. Хисамутдинова

Е. А. Ковалева

Организация и функционирование исправительно-трудовой системы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается деятельность исправительно-трудовых лагерей и колоний южноуральского региона в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов дана характеристика жилищно-бытового и медико-санитарного состояния исправительно-трудовых учреждений. Показано, что плохое питание, антисанитарные условия содержания и большая скученность заключенных привели к распространению массовых эпидемий и увеличению смертности. Доказано, что в военные годы уделялось недостаточно внимания вопросам, связанным с оперативным учетом контингента. Зачастую данные о численности заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях не сходились с фактическим наличием в них контингента. Все категории спецконтингента рассматривались государством в первую очередь как ресурс для выполнения производственных задач.

Ключевые слова: исправительно-трудовые лагеря и колонии, заключенные, спецконтингент, трудмобилизованные, принудительный труд, Великая Отечественная война, Южный Урал, НКВД.

Центральное место в системе пенитенциарных учреждений Советского Союза занимали исправительно-трудовые лагеря и колонии. Уголовный и исправительно-трудовой кодексы предполагали соединение лишения свободы с исправительным трудом, что превратило лагеря и колонии в систему массового использования принудительного труда.

Принцип самокупаемости мест лишения свободы и перевоспитания заключенных был заложен еще Временной инструкцией Народного Комиссариата Юстиции в июле 1918 г. Дальнейшее направление в развитии исправительно-трудовой системы советского государства было определено Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных». Согласно документу, в стране создавались две параллельные структуры мест заключения — исправительно-трудовые лагеря и исправительно-трудовые колонии [7, с. 64—65]. В лагеря (ИТЛ) направлялись осужденные к лишению свободы на срок от трех лет, в том числе лица, представляющие «особую опасность» для советского строя. В исправительно-трудовых колониях (ИТК) содержались «малоопасные» заключенные, осужденные на срок от 1 года до 3-х лет [20].

7 апреля 1930 г. СНК СССР было принято положение «О исправительно-трудовых лагерях». Согласно постановлению основной задачей лагерей являлась охрана общества от социально опасных правонарушителей путем их изоляции, соединенной с общественно полезным трудом. Заключенные размещались в лагерях в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления [7, с. 65].

В 1930 г. в составе ОГПУ было создано Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ), сосредоточившее в своих руках руководство лагерной системой. В октябре того же года УЛАГ был преобразован в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей. С созданием Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в июле 1934 г. Главное управление вошло в его состав [19, с. 189]. После череды реорганизаций в феврале 1941 г. Управление получило закрепившееся за ним на долгие годы название — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР.

Наряду с исправительно-трудовыми лагерями основным местом лишения свободы продолжали оставаться колонии, что четко прослеживается в Исправительно-трудовом кодексе 1933 г. В колониях осужденные содержались в зависимости от их трудовых на-

© Хисамутдинова Р. Р., Ковалева Е. А., 2016

выков, классовой опасности, социального положения, возраста и успешности исправления. Согласно кодексу, труд провозглашался одной из главных составляющих перевоспитания лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы [7, с. 73—92].

На протяжении изучаемого периода деятельность исправительно-трудовых лагерей и колоний регламентировалась секретными и совершенно секретными подзаконными актами — различного рода положениями, инструкциями, директивами, что привело к беспрецедентной закрытости советской исправительно-трудовой системы от общества.

С началом военных действий на основании приказа НКВД и НКГБ от 16 июля 1941 г. аппарат ГУЛАГа был переведен из Москвы в г. Чкалов, за исключением руководящего состава и небольшой группы сотрудников [7, с. 269—271]. Разделение аппарата на два «центра» отрицательно сказалось на его дальнейшей работе, в частности на решении вопросов, связанных с материально-техническим снабжением лагерей и колоний.

В военные годы деятельность ГУЛАГа была направлена на усиление изоляции контингента, сохранение его физического состояния и полное трудовое использование на ключевых объектах союзного значения. К началу войны в составе ГУЛАГа находились 53 исправительно-трудовых лагеря и 425 исправительно-трудовых колоний [1, с. 23].

Отделу исправительно-трудовых колоний УНКВД Чкаловской области в годы войны подчинялись четыре колонии и один отдельный лагерный пункт (ОЛП): Сыртинская сельскохозяйственная ИТК № 1 с дислокацией в Павловском районе; ИТК № 3 — в г. Орске; ИТК № 8 — в Медногорске; ИТК № 5 — в Бузулуке; отдельный лагерный пункт (ОЛП) № 223 в Соль-Илецке [24, л. 41; 25, л. 5—6; 26, л. 28].

К концу 1941 г. в ОЛП № 223 Соль-Илецка содержалось 1028 заключенных, из которых 500 человек прибыли из Средней Азии. Данный контингент не имел теплой одежды и поэтому для выхода на работу был вынужден укутываться в байковые одеяла. Не успев акклиматизироваться к суровому климату, заключенные страдали простудными заболеваниями. Перевести контингент в лагерь на территории Узбекской ССР не было возможности из-за отсутствия в нем мест. В марте 1942 г. по решению ГУЛАГа ОЛП в Соль-Илецке ликвидировали, а на его месте по указанию Москвы предполагалось организовать колонию для военнопленных [27, л. 7].

Помимо этого, в Чкаловской области на территории Бузулукского района в 5 км от станции Колтубанка дислоцировался спецлагерь НКВД, начальником которого являлся старший лейтенант Соколов [22, с. 101]. На 27 февраля 1942 г. в лагере содержалось 7500 человек, которые ютились в 187 летних палатках и пяти земляных бараках. Контингент лагеря состоял из лиц, вышедших из окружения, бывших в плену и возвратившихся на родину при различных обстоятельствах [28, л. 22]. Следует отметить, что спецлагеря в стране начали организовываться с января 1942 г. и до 1944 г. находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

В 1942 г. в связи с увеличением численности контингента происходит реорганизация Отделов исправительно-трудовых колоний Челябинской области и Башкирской АССР в Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) [3, л. 20; 10, л. 1—2].

В ведении УИТЛК БАССР в 1943 г. находились десять исправительно-трудовых колоний. В связи с тем что часть документов в Республике Башкортостан до настоящего времени находится под грифом «секретно», авторам удалось установить точную дислокацию лишь двух колоний: ИТК № 2 — г. Стерлитамак и ИТК № 10 — г. Уфа.

Исправительно-трудовая колония № 10 возникла на базе одного из корпусов уфимской тюрьмы и была рассчитана на 1500 человек. До 1949 г. в ней содержались немецкие военнопленные [21].

Наибольшее количество колоний на Южном Урале было сосредоточено на территории Челябинской области. К лету 1941 г. в тюрьмах области скопилось большое количество заключенных, в связи с этим руководство приняло решение расширить сеть исправительно-трудовых колоний посредством разукрупнения уже существующих и организации новых. К примеру, Челябинская колония № 3 была разделена на две самостоятельные колонии — ИТК № 1 при строительстве ТЭЦ и ИТК № 3 при Челябинском тракторном заводе. На основании указа ГУЛАГа от 11 июля 1941 г. в Челябинской области было создано восемь новых контрагентских колоний с общим лимитом 5550 человек [11, л. 52].

Таким образом, в результате ряда реорганизаций к началу 1942 г. на территории Челябинской области действовало 17 исправительно-трудовых колоний: Магнитогорская, Златоустовская № 1, Златоустовская № 2, Карабашская № 1, Карабашская № 3, Троицкая, Шадринская, Каслинская, Курганская, Усть-Катавская, Увильдинская и шесть колоний в г. Челябинске — ИТК № 1, ИТК № 2, ИТК № 3, ИТК № 4, ИТК № 5 и ИТК № 6. Все колонии, за исключением Увильдинской, которая предназначалась для заключенных инвалидов, являлись контрагентскими, в Троицкой колонии содержались заключенные женщины [11, л. 87; 12, л. 60].

В начале 1942 г. в Челябинске начал свою работу Бакальский исправительно-трудовой лагерь (Бакаллаг, Бакальский ИТЛ), находившийся в подчинении Главного управления лагерей промышленного строительства. Контингент лагеря состоял в основном из мобилизованных немцев и был занят на строительстве Бакальского (позднее Челябинского) металлургического завода, коксохимического завода и на лесозаготовках. Общее количество заключенных на 31 января 1942 г. составляло 4237 человек [20].

Упоминания о Бакаллаге прослеживаются до конца 1942 г., однако с сентября параллельно употребляется название — Челябинметаллургстрой (Челяблаг) [20]. О преемственности данных лагерей говорит совпадение места дислокации, руководящего состава и строительных объектов, на которых использовался контингент. Следует отметить, что исправительно-трудовые учреждения часто разбивались по кустовой принадлежности, в основе каждого «куста» чаще всего находился крупный лагерь, который объединял вокруг себя подразделения исходя из производственных принципов. На территории Челябинской области размещалось четыре подобных «куста», центральным из которых являлся Челябинлаг [8, с. 63].

Всего несколько месяцев просуществовал ИТЛ Рудбакалстрой, располагавшийся на станции Бакал Южно-Уральской железной дороги Челябинской области. Лагерь начал свою работу также в начале 1942 г. с целью освоения Бакальских рудников, являющихся рудной базой для Бакальского металлургического завода. Как и в Бакальском ИТЛ, основной контингент лагеря составляли мобилизованные немцы. Проверка состояния лагеря показала неудовлетворительные санитарно-бытовые условия содержания, отсутствие надлежащей охраны, ставшей причиной побегов, налаживания контактов с гражданским населением, а также слабой дисциплины среди контингента. В результате на основании приказа НКВД СССР № 00536 от 17 мая 1942 г. управление лагеря и строительство рудной базы Бакальского металлургического завода — Рудбакалстрой перешли в непосредственное подчинение начальнику Бакалстроя НКВД [13, л. 32, 57—58].

На 1 июня 1944 г. в лагере Челябинметаллургстрой содержалось 31 771 человек, в том числе 9530 заключенных, 20 704 мобилизованных немца, 1537 мобилизованных Среднеазиатского военного округа, что составило почти 5% от общего количества заключенных в исправительно-трудовых лагерях страны. Состав лагеря был сведен в 25 подразделений, а именно: стройотрядов — 9, отдельных колоний — 9, лагерных участков — 6, центральный лазарет — 1 [14, л. 93—94].

На территории Урала размещалось 9 из 15 исправительно-трудовых лагерей Советского Союза, где содержался спецконтингент из числа мобилизованных немцев. После проведенной мобилизации 1942 г. в Бакальском ИТЛ (Челябметаллургстрой) сконцентрировалось наибольшее количество мобилизованных немцев по стране. На 1 июня 1942 г. данный контингент составлял 99% от общего количества человек, содержащихся в лагере, к 1944 г. показатель снизился до 65%, но, несмотря на снижение численности, мобилизованные немцы продолжали оставаться основной категорией спецконтингента ИТЛ Челябинского металлургского завода и в послевоенные годы [13, л. 77—78].

Из числа мобилизованных в исправительно-трудовых лагерях формировались так называемые «рабочие колонны». Трудмобилизованные размещались в отдельных бараках, которые отгораживались от зоны, где содержались заключенные. Подобными действиями руководство пыталось показать «свободным гражданам», оказавшимся в лагерях, их отличие от «уголовного элемента» и «врагов народа», обосновывая их пребывание в местах лишения свободы обстоятельствами военного времени.

В действительности положение трудмобилизованных и заключенных в исправительно-трудовых лагерях было идентичным начиная от неудовлетворительных условий содержания до отношения со стороны лагерной администрации [14, л. 43, 70].

Как свидетельствуют архивные документы, в подчинении начальника ИТЛ Челябинского металлургского завода находился и лагерь для иностранных военнопленных № 68, организованный в Челябинске в соответствии с приказом НКВД от 28 ноября 1942 г. Он был рассчитан на 10 тыс. человек и являлся одним из самых крупных лагерей для военнопленных на территории Южного Урала [34, с. 96].

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны на территории Южного Урала действовали 33 исправительно-трудовые колонии. Единственный исправительно-трудовой лагерь на территории региона функционировал в Челябинской области.

В первые годы войны жилищно-бытовые условия и санитарное состояние лагерей и колоний являлось катастрофическим. С прибытием большого количества эвакуированных заключенных в лагере и колониях изучаемого региона остро встал вопрос обеспечения контингента жилой площадью. Так, заключенные Соль-Илецкого ОЛП № 223 Челябинской области содержались в четырех землянках общей площадью 880 кв. м, или 0,8 кв. м на человека, при установленной норме 2 кв. м. Еще большая скученность была зафиксирована в ИТК № 3 и ИТК № 5 Башкирской АССР, здесь средняя обеспеченность составляла 0,6 кв. м [15, л. 20].

Зачастую помещения, в которых размещался контингент, были абсолютно не пригодны к проживанию, а образовавшаяся скученность еще больше усугубляла положение. К примеру, проведенная в феврале 1942 г. проверка Бакальского ИТЛ Челябинской области показала, что землянки находились в антисанитарном состоянии. Имеющаяся при лагере баня не обеспечивала качественной санитарной обработки. Отсутствие дезокамеры, прачечной, умывальников, достаточного количества уборных и помойных ям привело к загрязнению территории лагеря. В итоге заключенные на 100% были завшивлены. Случаи завшивленности зафиксированы и среди хозяйственной, работающей на кухне и в аптеке. Из-за отсутствия питьевой воды заключенные употребляли в сыром виде воду из реки Миасс, что негативно отражалось на состоянии здоровья [13, л. 34—35].

Вышестоящее руководство поставило перед администрацией Бакальского ИТЛ задачу ликвидировать в кратчайшие сроки сложившуюся обстановку — привести материальную базу лагеря в надлежащий вид. Однако повторная проверка показала, что существенных изменений в решении вопроса не последовало. В результате к концу 1942 г.

Бакаллаг, вероятнее всего, был реорганизован в Челябинметаллургстрой, так как приказа о его закрытии найти не удалось.

Первоначально жилищно-бытовые условия Челябинметаллургстоя были аналогичны его предшественнику. Уборка в общежитиях, замена белья и постельных принадлежностей проводились крайне редко, что послужило причиной возникновения инфекционных заболеваний [15, л. 7].

Следует отметить, что еще в довоенный период Отдел ИТК Челябинской области являлся одним из шести худших Отделов (Управлений) Союза по санитарно-бытовым условиям содержания заключенных. Заболеваемость и смертность среди контингента в колониях Челябинской области была и в то время повышенной [9, с. 21].

Антисанитарные условия содержания и большая скученность заключенных привели к распространению эпидемий. Так, в Златоустовской ИТК № 2 Челябинской области вспышка сыпного тифа стала следствием несоблюдения элементарных санитарных правил, контингент по 2—3 месяца не мылся в бане. Помимо этого, одежда больных заключенных, будучи ранее завшивленной, хранилась в кладовой больницы и выдавалась контингенту без санитарной обработки и дезинфекции, в результате здоровые заключенные подхватывали вшей [16, л. 67].

На физическом состоянии контингента отражалось и некачественное медицинское обслуживание. В большинстве случаев лечебная сеть лагерей и колоний не соответствовала медицинским требованиям, чаще всего санчасть размещалась в жилых помещениях, недостаточно оборудованных инвентарем и мебелью. Например, к началу 1943 г. ни в одной колонии БАССР не было специально построенной лечебной сети. Дефицит мест в стационарах приводил к размещению больных по 2 человека на одной койке или по 3 человека на двух [32, л. 20].

Уменьшение норм питания также негативно отразилось на физическом состоянии контингента. Существующая норма питания в военные годы со всеми дополнительными пайками по калорийности была на 30% ниже довоенной. В большинстве случаев контроль за питанием контингента не велся. Так, в колониях Челябинской области строгая дифференциация питания в зависимости от выполнения заключенными физнормы не производилась, дополнительные пайки страдающим авитаминозом не выдавались [11, л. 27—27 об.].

Для восполнения дефицита в продуктах питания руководством было принято решение создавать при колониях свои продовольственные базы. Например, в колониях БАССР производились посевы овощей, картофеля и других культур, начался сбор дикорастущих ягод и их заготовка на зиму. Дефицит рыбы частично восполнялся за счет собственного улова.

Неудовлетворительное содержание контингента привело к резкому увеличению заболеваемости. Так, если в первом полугодии 1941 г. заболеваемость заключенных в лагерях и колониях Союза составляла 6,7% от общего количества, то за первые два года войны данный показатель увеличился до 22% [5, л. 21].

Рост заболеваемости привел к увеличению количества смертей среди контингента. Пик смертности пришелся на 1942 г. и составлял 17,58% от общего количества заключенных. Основными причинами смертности являлись дистрофия, туберкулез, острые желудочно-кишечные и инфекционные заболевания. Так, за 1943 г. от общего количества умерших в БАССР 27% умерло от авитаминоза, 24% от заболеваний органов кровообращения, 17% от острых желудочно-кишечных заболеваний [32, л. 20].

Здоровье контингента, содержащегося в лагерях и колониях, рассматривалось руководством страны в первую очередь как средство для выполнения различных экономиче-

ских задач. С целью сохранения трудового фонда в 1943 г. был принят ряд постановлений, направленных на улучшение жилищно-бытовых условий содержания, повышение качества амбулаторного и стационарного лечения и своевременной госпитализации контингента [7, с. 217—218].

При проведении мероприятий по оздоровлению контингента лагерная администрация зачастую сталкивалась с непониманием хозорганов, на объектах которых использовалась рабочая сила из числа заключенных. Руководящий состав предприятий систематически нарушал обязательства по обеспечению контингента жилой площадью, материально-бытовым довольствием, тем самым тормозил выполнение плана по сохранению рабочего фонда и его трудоспособности [30, л. 43].

Несмотря на определенные затруднения в работе, комплекс проводимых мероприятий дал положительные результаты. Заболеваемость среди заключенных по стране удалось снизить к концу 1943 г. до 18%, а в 1944 г. — до 16%. В колониях и лагере региона процент заболеваемости не превышал общесоюзного, так, в УИТЛК БАССР в 1943 г. он составил 15% от общего количества заключенных [5, л. 21].

В военные годы вопросам, связанным с оперативным учетом контингента, уделялось недостаточное внимание. Зачастую данные о численности заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях не сходились с фактическим наличием в них контингента. Несвоевременная сдача медсанчастью актов о смерти заключенных, отсутствие данных о побегах, о прибытии и освобождении из мест лишения свободы, длительные сроки обработки личных дел и оформления учетных документов вносили дезорганизацию в оперативный учет заключенных. К примеру, на вахте Челябинской ИТК № 3 тетрадь учета велась небрежно, часть листов регистрации с данными о переходе заключенных из зоны в зону и о выводе на работы были вырваны и утеряны [18, л. 148].

Нередко из-за отсутствия данных о движении заключенных руководство колоний с большим запозданием узнавало о совершенных побегах. Например, 18 декабря 1942 г. из чугунолитейного корпуса Челябинской ИТК № 3 бежал бригадир Иванцев, о побеге руководство колонии узнало лишь 8 января 1943 г.

В большинстве случаев совершаемые побеги являлись следствием халатного отношения и недостаточной бдительности конвойного и надзирательного состава. В результате большая часть побегов совершалась непосредственно с рабочих объектов. Так, в 1943 г. из колоний БАССР совершено 111 побегов, из них: с объектов работ — 74, из зоны колоний — 23, при расконвоировании — 9, при этапировании и конвоировании — 5 [4, л. 46].

Зачастую режим содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях не соответствовал требованиям приказов и распоряжений НКВД — МВД СССР. Так, на объектах работ Строительно-монтажного управления Министерства химической промышленности г. Чкалова и Строительства Министерства тяжелого машиностроения г. Орска вольнонаемные рабочие соприкасались на работах с заключенными, в результате рабочие покупали для них водку, принимали письма для передачи родственникам, приобретали у них вещевое довольствие, принадлежащее лагерю [31, л. 11]. В Магнитогорской ИТК № 2 и Челябинской ИТК № 1 Челябинской области заключенные-рецидивисты содержались совместно с осужденными за бытовые преступления, в результате в общежитиях имели место кражи, в столовой рецидивисты терроризировали работающих заключенных, отбирали у них хлеб и пищу [11, л. 27—27 об.].

За нарушение режима и правил внутреннего распорядка работники лагерных подразделений широко применяли такую меру наказания, как помещение в штрафной изолятор без вывода на работу. Подобное наказание не всегда способствовало укреплению режи-

ма, так как некоторые заключенные предпочитали пребывание в штрафном изоляторе труду в зимних условиях на тяжелых работах.

Особое внимание руководство исправительно-трудовых лагерей и колоний уделяло агентурно-оперативной работе. В годы войны агентура из числа заключенных вербовалась наспех, что негативно отражалось на качестве работы. Значительное количественное наполнение лагерных отделений (ЛО) осложняло проведение тщательных обысков заключенных как в зоне, так и при возвращении с работы. Частые массовые переводы из одного лагерного отделения в другое приводили к тому, что контингент практически обновлялся на 100%. Это обстоятельство также пагубно сказывалось на изучении контингента, на активизации работы с агентурой и с членами бригад содействия. Например, за 6 месяцев из лагерного отделения № 1 БАССР при наличии контингента 5750 человек выбыло в другие лагерные отделения 5300 человек, такое же количество поступило к ним из других ЛО. Аналогичные переброски были и по другим отделениям. В результате осведомители оказались не в состоянии вести глубокую разработку «уголовно-бандитского» элемента и вскрывать активные действия заключенных, готовящихся к побегу [6, л. 134—135].

Несмотря на определенные сложности, агентурно-оперативная работа давала свои плоды, в частности, благодаря данной работе удавалось вскрывать заранее планируемые побеги. К примеру, на одном из объектов лагерного отделения БАССР выявили подкоп длиной 63 погонных метра с внутренним креплением, электропроводкой и освещением. Этот подкоп вскрыли в день, назначенный заключенными для побега. Группа участников подкопа была установлена и привлечена к уголовной ответственности [6, л. 134—135].

Благодаря проведению агентурно-оперативной работы в архивах сохранились документы, передающие настроение заключенных после объявленной в честь победы над гитлеровской Германией амнистии Указом Правительства от 7 июля 1945 г. Документы свидетельствуют, что реакция заключенных на Указ была достаточно противоречивой. Часть осужденных по бытовым статьям воспринимала данную амнистию с радостью. В первую очередь это были те, кого непосредственно коснулась амнистия. Так, заключенный ИТК № 4 БАССР Митин, осужденный по указу от 26 декабря 1941 г., говорил: «Такую амнистию еще не видел мир. Ведь освобождается 75% заключенных, а остальным наполовину снижен срок. Я не думал, что когда-либо будет такая амнистия, особенно после такой войны». Осужденные за контрреволюционные преступления, напротив, воспринимали амнистию негативно. Заключенный Ольбрехтович, осужденный по ст. 58, заявлял: «Эта амнистия для воров, а не для политических заключенных. Этой амнистией советское правительство скомпрометировало себя перед миром, так как оно опасается дать политическим заключенным свободу. Советская демократия поощряет воров и мошенников» [33, л. 487 об. — 489].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на территории Южного Урала действовала сеть исправительно-трудовых колоний, а также один из крупных исправительно-трудовых лагерей страны — Челябинметаллургстрой. Указанным учреждениям были присущи все характерные черты исправительно-трудовой системы военного времени: неудовлетворительные бытовые и медико-санитарные условия содержания контингента, скудное продовольственное и вещевое снабжение, скученность, что привело к распространению эпидемий и увеличению смертности среди заключенных. В связи с этим принимались определенные меры для улучшения физического состояния заключенных.

В условиях военного времени не уделялось должного внимания вопросам оперативного учета заключенных, что частично искажало данные о реальном наличии контингента в лагерях и колониях.

С началом Великой Отечественной войны в местах лишения свободы наравне с осужденными гражданами содержались и юридически свободные лица — трудмобилизованные, попавшие в заключение в силу своей национальной принадлежности. Подобные действия руководства страны, показывающие отсутствие принципиальных различий между категориями спецконтингента, позволяют сделать вывод, что люди, находящиеся в местах лишения свободы, являлись для государства в первую очередь ресурсом для выполнения производственных задач.

Список использованных источников и литературы

1. Гашенко В. А. Оперативная работа органов НКВД—НКГБ СССР в исправительно-трудовых лагерях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (на основе материалов ГАРФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2006. Т. 2, № 1. С. 23—31.
2. Гончаров Г. А. «Трудмобилизованный» контингент исправительно-трудовых лагерей Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5. История. Вып. 52. С. 75—81.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 111.
4. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 68.
6. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 626.
7. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / под ред. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 2000. 888 с.
8. Евсеев И. В. Влияние спецконтингента исправительно-трудовой системы на развитие Южного Урала в 1930—1950-х годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 61—65.
9. Нахопетов Б. А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М. : РОССПЭН, 2009. 191 с.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 210.
11. ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 200.
12. ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 215.
13. ОГАЧО. Ф. Р-1619. Оп. 2. Д. 4.
14. ОГАЧО. Ф. Р-1619. Оп. 2с. Д. 26.
15. ОГАЧО. Ф. Р-1619. Оп. 2. Д. 15.
16. ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 225.
17. ОГАЧО. Ф. П-879. Оп. 1. Д. 146.
18. ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 229.
19. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. 428 с.
20. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. Справочник / сост. М. Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. 600 с. URL: www.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm
21. УФСИН России по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: www.02fsin.ru
22. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург : ОГПУ, 2014. 476 с.
23. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО) Ф. 371. Оп. 5. Д. 224.
24. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 119.
25. ЦДННАО. Ф. 1560. Оп. 2. Д. 15.
26. ЦДННАО. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 317.
27. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 531.
28. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 553.
29. ЦДННАО. Ф. 1560. Оп. 2. Д. 142.
30. ЦДННАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 440.
31. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 180.
32. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАООРБ). Ф. 4710. Оп. 1. Д. 1
33. ЦАООРБ. Ф. 6110. Оп. 1. Д. 5.
34. Цепкалова А. А. Трудовые ресурсы на объектах строительства ГУЛАГа: характеристика спецконтингента Челябинметаллургстроя в 1940-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. История. Вып. 45. С. 90—98.

Поступила в редакцию 01.02.2016 г.

Хисамутдинова Равиля Рахмяновна, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Ковалева Елена Александровна, соискатель
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: sipakova_elena@mail.ru

UDK 94(47).084.8

R. R. Khisamutdinova
E. A. Kovaleva

Activities of corrective labor camps and colonies in Southern Urals during Great Patriotic War

The article discusses the activities of corrective labor camps and colonies of the South Ural region during the Great Patriotic War. On the basis of archival materials it characterizes the public and health status of these corrective labor institutions. It is shown that poor nutrition, unsanitary conditions of detention and overcrowding of prisoners led to the spread of epidemics and increased mortality. It is proved that during war the issues related to operational accounting of contingent were not paid enough attention to. The data on the number of prisoners in labor camps and colonies did not often tally with the factual presence of these troops. All categories of special contingent were considered by the state primarily as a resource of solving production problems.

Key words: corrective labor camps and prison, prisoners, special contingent, labor mobilized, forced labor, the Great Patriotic War, the Southern Urals, the NKVD.

Khisamutdinova Ravilya Rakhimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovestkaya, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Kovaleva Elena Aleksandrovna, Candidate for a degree
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovestkaya, 19
E-mail: sipakova_elena@mail.ru

References

1. Gashenko V. A. Operativnaya rabota organov NKVD—NKGB SSSR v ispravitel'no-trudovykh lageryakh Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na osnove materialov GARF) [Operational work of the NKVD—NKGB USSR authorities in corrective labor camps in Western Siberia during the Great Patriotic War (based State Archive materials)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2006, vol. 2, no. 1, pp. 23-31. (In Russian).
2. Goncharov G. A. "Trudmobilizovannyi" kontingent ispravitel'no-trudovykh lagerei Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny ["Work Mobilized" contingent labor camps in the Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 5: History, is. 52, pp. 75-81. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. R-9401. Op. 1a. D. 111.
4. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 45.
5. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 68.

6. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 626.
7. *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918—1960, pod red. A. N. Yakovleva* [Gulag: General Directorate of camps. 1918—1960, ed. by A. N. Yakovlev]. Moscow, MVD Publ., 2000. 888 p.
8. Evseev I. V. Vliyaniye spetskontingenta ispravitel'no-trudovoi sistemy na razvitiye Yuzhnogo Urala v 1930—1950-kh godakh [The impact of the special contingent of correctional labor system on the development of the Southern Urals in 1930—1950-s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 22 (237), History, iss. 46, pp. 61-65. (In Russian)
9. Nakhopetov B. A. *Ocherki istorii sanitarnoi sluzhby GULAGa* [Essays on the History of the Medical Service of the Gulag]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 191 p.
10. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO)* [United State Archive of the Chelyabinsk region]. F. R-1075. Op. 1. D. 210.
11. OGACHO. F. R-1075. Op. 1. D. 200.
12. OGACHO. F. R-1075. Op. 1. D. 215.
13. OGACHO. F. R-1619. Op. 2. D. 4.
14. OGACHO. F. R-1619. Op. 2c. D. 26.
15. OGACHO. F. R-1619. Op. 2. D. 15.
16. OGACHO. F. R-1075. Op. 1. D. 225.
17. OGACHO. F. P-879. Op. 1. D. 146.
18. OGACHO. F. R-1075. Op. 1. D. 229.
19. Reent Yu. A. *Istoriya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy i organov yustitsii Rossii* [The history of the penal system and organs of Justice of Russia]. Ryazan, 2013. 428 p. (In Russian).
20. *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. 1923—1960. Spravochnik, sost. M. B. Smirnov* [The system of corrective labor camps in the Soviet Union. 1923—1960. Directory, comp. by M. B. Smirnov]. Moscow, Zvenya Publ., 1998. 600 p. (In Russian). Available at: www.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm.
21. *UFSIN Rossii po Respublike Bashkortostan* [Bashkortostan FCIS governance]. (In Russian). Available at: www.02fsin.ru.
22. Khisamutdinova R. R. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuz (1941—1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki* [The Great Patriotic War of the Soviet Union (1941—1945 years): military history essays]. Orenburg, OGPU Publ., 2014. 476 p. (In Russian).
23. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti (TsDNIOO)* [Documentation Centre of modern history of the Orenburg region]. F. 371. Op. 5. D. 224.
24. TsDNIOO. F. 371. Op. 5. D. 119.
25. TsDNIOO. F. 1560. Op. 2. D. 15.
26. TsDNIOO. F. 1666. Op. 1. D. 317.
27. TsDNIOO. F. 371. Op. 7. D. 531.
28. TsDNIOO. F. 371. Op. 6. D. 553.
29. TsDNIOO. F. 1560. Op. 2. D. 142.
30. TsDNIOO. F. 12. Op. 1. D. 440.
31. TsDNIOO. F. 371. Op. 14. D. 180.
32. *Tsentral'nyi arkhiv obshchestvennykh ob'edinenii Respubliki Bashkortostan (TsAOORB)* [Central Archive of public associations of the Republic of Bashkortostan]. F. 4710. Op. 1. D. 1.
33. TsAOORB. F. 6110. Op. 1. D. 5.
34. Tsepkalova A. A. Trudovye resursy na ob'ektakh stroitel'stva GULAGa: kharakteristika spetskontingenta Chelyabmetallurgstroya v 1940-e gody [Human resources at the construction sites of the Gulag: characterization of the special contingent of Chelyabmetallurgstroy in 1940]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 12. History, is. 45, pp. 90-98. (In Russian).